

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ВОЗЗВАНИЕ

(25 мая 1889)

Журнал "Толстовский Листок/Запрещенный Толстой", выпуск пятый, Издательство "Пресс-Соло", Москва, 1994. OCR: Габриел Мумжиев (gabrielmv@yahoo.com)

Нельзя медлить и откладывать. Нечего бояться, нечего обдумывать, как и что сказать. Жизнь не дожидается. Жизнь моя уже на исходе и всякую минуту может оборваться. А если могу я чем послужить людям, если могу чем загладить все мои грехи, всю мою праздную, похотливую жизнь, то только тем, чтобы сказать людям братьям то, что мне дано понять яснее других людей, то, что вот уже 10 лет мучает меня и раздирает мне сердце.

Не мне одному, но всем людям ясно и понятно, что жизнь людская идет не так, как она должна идти, что люди мучают себя и других. Всякий человек знает, что для его блага, для блага всех людей нужно любить ближнего не меньше себя, и если не можешь делать ему того, что себе хочешь, не делать ему, чего себе не хочешь; и учение веры всех народов, и разум, и совесть говорят то же всякому человеку. Смерть плотская, которая стоит перед каждым из нас, напоминает нам, что не дано нам вкушать плода ни от какого из дел наших, что смерть всякую минуту может оборвать нашу жизнь, и потому одно, что мы можем делать, и что может дать нам радость и спокойствие, это то, чтобы всякую минуту, всегда делать то, что велит нам наш разум и наша совесть, если мы не верим откровению, и откровение Христа, если мы верим ему, то есть, если уж мы не можем делать ближнему того, что нам хочется, не делать ему, по крайней мере, того, чего мы себе не хотим. -- И как давно, и как всем одинаково известно это, и несмотря на то не делают люди другим, чего себе желают, а убивают, грабят, обворовывают, мучат друг друга люди и вместо того, чтобы жить в любви, радости и спокойствии, живут в мучениях, горести, страхе и злобе. И везде одно и то же: люди страдают, мучаются, стараясь не видеть той безумной жизни, стараются забыться, заглушить свои страдания и не могут, и с каждым годом все больше и больше людей сходит с ума и убивает себя, не будучи в силах переносить жизнь, противную всему существу человеческому.

Но, может быть, такова и должна быть жизнь людей. Так, как живут теперь люди с своими императорами, королями и правительствами, с своими палатами, парламентами, с своими миллионами солдат, ружей и пушек, всякую минуту готовых наброситься друг на друга. Может быть, так и должны жить люди с своими фабриками и заводами ненужных или вредных вещей, на которых, работая 10, 12, 15 часов в сутки, гибнут миллионы людей, мужчин, женщин и детей, превращенных в машин. Может быть, так и должно быть, чтобы все больше и больше пустели деревни и наполнялись людьми города с их трактирами, борделями, ночлежными домами, больницами и воспитательными домами. Может быть, так и должно быть, чтобы все меньше и меньше становилось честных браков, а все больше и больше проституток и женщин, в утробе убивающих плод. Может быть, так и должно быть, чтобы сотни и сотни тысяч людей сидели по тюрьмам, в общих или одиночных камерах, губя свои души. Может быть, так и надо, чтобы та вера Христа, которая учит смирению, терпению, перенесению обид, деланию ближнему того, чего себе хочешь, любви к нему, любви к врагам, совокуплению всех воедино, может быть, так и нужно, чтоб вера Христа, учащая этому, передавалась бы людям учителями разных сотен враждующих между собою сект в виде учения нелепых и безнравственных басен о сотворении мира и человека, о наказании и искуплении его Христом, об установлении таких или таких таинств и обрядов. Может быть, что все это так нужно и свойственно людям, как свойственно муравьям жить в муравейниках, пчелам в ульях, и тем и другим воевать и работать для исполнения закона своей жизни. Может быть, это самое нужно людям, таков их закон. И может, требование разума и совести о другой, любовной и блаженной жизни, -- может быть, это требование мечта и обман, и не надо и нельзя думать о том, что люди могут жить иначе. Так и говорят некоторые. Но сердце человеческое не верит этому; и как всегда, оно громко вопияло против ложной жизни, призывало людей к той жизни, которую требуют откровение, разум и совесть, так еще сильнее, сильнее, чем когда-нибудь, оно вопиет в наше время.

Прошли века, тысячелетия -- вечность времени, и нас не было. И вдруг мы живем, радуемся,